

ТЕКСТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

INSTITUTIONAL DISCOURSE TEXTS: PRAGMATIC POTENTIAL AND INTERPRETATION

O. Pronicheva

Summary. Certain aspects of formation of the semantic content of texts in institutional discourses are discussed in the article. The article demonstrates the dependence of texts on extralinguistic factors which influence the process of interpretation. The article shows that language units implementing their pragmatic potential are encompassed within specific texts, however, textual updating of values a) is subordinate to the author's goals and objectives in a specific situation, b) depends on the recipient factor in the frames of institutional discourses.

Keywords: interpretation, discourse, institutional discourse, meaning.

Проничева Ольга Юрьевна

*К.филол.н., доцент, ФГКВБОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва» (Санкт-Петербург)
pronol@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты формирования смыслового содержания текстов институциональных дискурсов. Статья демонстрирует зависимость текстов от экстралингвистических факторов, влияющих на интерпретацию. Статья демонстрирует, что институциональные дискурсы обслуживаются языковыми единицами, реализующими свой прагматический потенциал в рамках конкретных текстов, однако, текстовая актуализация значений а) подчинена авторским целям и задачам в конкретной ситуации, б) зависит от фактора адресата.

Ключевые слова: интерпретация, дискурс, институциональный дискурс, значение, смысл.

Смысл — понятие многоаспектное. Еще Л. С. Выготским отмечалось, что мысль никогда не будет равна прямому значению слов [3], что подтверждает актуальность вопроса о специфике языкового выражения смыслового содержания в том числе и в текстах, относящихся к институциональным дискурсам. Смысловые характеристики информации выступают как производные от структур человеческих знаний и памяти, построенных на основе фреймовой репрезентации действительности, при этом информация воспринимается не изолировано, а с учетом ситуации общения, пресуппозиций, т.е. в дискурсе.

Характеризуя понятие дискурс, нельзя не отметить, что во многих случаях при использовании данного термина подразумевается идея о том, что язык организуется в соответствии со структурами, свойственными общению людей в различных сферах человеческой жизни. Общение, обмен информацией всегда протекает в определенном социальном пространстве, определенной сфере человеческой деятельности, что позволяет говорить об институциональных дискурсах, в рамках которых использование языковых единиц носит специализированный характер.

На сегодняшний день востребованным становится направление лингвистических исследований, изучающих прагматику текстов, формирующих институциональные дискурсы. Отмечается, что институциональные дискурсы обслуживаются определенными тематически-

ми группами слов, синтаксическими конструкциями, стилистическими средствами, реализующими свой прагматический потенциал в рамках конкретных текстов, получая при этом текстовую актуализацию релевантную целям общения в конкретной ситуации [6]. Однако некоторые нюансы интерпретации текстов адресатом до сих пор описаны недостаточно.

В настоящей статье нами предпринята попытка описать специфику прагматического потенциала текстов институционального дискурса, рассматриваемого в процессе кодирования и декодирования, то есть в процессе речемыслительной деятельности адресанта и адресата. Нами использовался метод лингвистического наблюдения, в рамках которого выявлены некоторые специфические аспекты интерпретации текстов. Материалом послужили тексты политического дискурса и армейского дискурса (дискурса армии как государственного института).

Еще А. В. Бондарко отмечал, что необходимо различать 1) языковые значения, т.е. значения единиц, классов и категорий данного языка, и 2) смысл (смысловое, мыслительное, когнитивное содержание)... Смысл опирается «не только на языковые формы, но и на другие разновидности «носителей»... [2] Дифференциация системно-категориальных и речевых аспектов смысла предполагает, что речевой аспект — это актуальный смысл, смысл высказывания, текста, обусловленный в том числе и типом дискурса.

На сегодняшний день узаконено обращение к экстралингвистике при изучении текстов того или иного дискурса. «Для существенного понимания текстов и их группировок необходим, несомненно, совмещенный анализ внеязыковой доминанты и языковой логики их конструирования» [5].

В текстах институционального дискурса языковые единицы попадают в зависимость от ряда факторов, определяющих их конкретное значение и общий смысл текста. Актуализируется интерпретационный компонент релевантный каждому акту употребления. Актуализация значения может быть различной: от основного, первичного, главного до частного, ситуативного, контекстуального. Так, например, ситуативное значение приобретают словосочетания «*арабская весна*», «*крымская весна*», когда для понимания смысла необходимо учитывать, прежде всего, соотношенность этих словосочетаний с конкретной ситуацией. Можно только догадываться о смысле следующего высказывания вне ситуации: «*16 декабря Вы сможете встретить Новый год!*». Однако смысл становится очевидным, если принять во внимание, что 16 декабря запланированы выборы в Государственную Думу РФ, и текст используется в рамках выборной кампании.

Прагматическая установка, реализуемая в тексте при взаимодействии с его семантической структурой, дает основания рассматривать текст институционального дискурса как сложную единицу, обладающую глубоким и неоднотупенчатым смысловым строением, что можно представить в виде следующей уровневой организации: уровень языковых значений, экспликация речевых значений, имплицитно выраженное смысловое наполнение.

Получается, что смыслообразование текста институционального дискурса специфично, что проявляется прежде всего в том, что коммуникативная задача часто осложняется необходимостью передачи некой сверхинформации, релевантной ситуации. Так, например, заголовки статьи «*Мы можем учиться, а можем и поучить*» обладает вполне понятным смыслом в ситуации информационных войн в статье, где речь идет о противостоянии РФ и западных партнеров. То же самое касается и слова «*партнер*» после знаменитого высказывания В. Путина: «*У нас есть друзья, а есть партнеры*».

Адресант, организуя текст, сознательно «закладывает» в него возможности возникновения новых смыслов, надеясь на правильное (заданное автором) декодирование их адресатом. Однако обусловленные социальным контекстом (актуализированные) речевые значения в структуре текста институционального дискурса становятся зачастую носителями новой информации, но-

вого незапланированного адресантом смысла, который извлекается конкретным адресатом в процессе интерпретации, вследствие чего может искажаться заданное значение текста, расширяться круг возможных интерпретаций.

Так, например, если работник отдела кадров (менеджер по кадрам) читает в резюме претендента на какую-либо должность, фразу: «Мне 35 лет» или «Родился в 1984 году», или «Год рождения — 1984», то в этом случае, для него все, что подразумевал автор текста, это то, что ему действительно 35 лет, или то, что год рождения действительно 1984. Но то же указание адресантом на возраст в текстах политического дискурса будет иметь иное смысловое наполнение, обусловленное дискурсом. «Мне 35 лет...», следовательно, «я еще молод, энергичен, но не юный, я могу эффективно работать на благо страны». Однако интерпретация может быть как запланированной, так и нет. Кто-то из читающих подумает, что 35-летний слишком молод, чтобы занимать ответственный государственный пост, молодой человек, предположим, старшеклассник или студент, может решить, что данный претендент, наоборот, уже «в возрасте» и плохо знает проблемы молодежи.

Итак, в институциональных дискурсах «то содержание, которое заложено в языковых единицах, классах и категориях, отражает не только отношения внешнего мира, но и их специфическое преломление в «речевых представлениях» говорящих и слушающих» [2]

Известно, что полнота понимания определяется типом понимания. Согласно теории Г.П. Щедровицкого существует три основных типа понимания, фиксирующихся соответственно в одном из поясов мыследеятельности: семантизирующее понимание (пояс мыследействования), когнитивное понимание (пояс мысли коммуникации), распремечивающее понимание (пояс чистого мышления).

При семантизирующем понимании единицам текста приписываются смыслы в рамках референции. В этом случае понимание — это понимание языкового знака. Для когнитивного понимания реципиент обращается к собственной рефлексивной деятельности, соотнося ее с содержанием анализируемого текста. Рефлексия, направленная на постижение смысла текста, при когнитивном понимании может объективироваться в новом знании и в новом отношении к содержанию текста. При распремечивающем понимании рефлексия может вывести реципиента далеко за пределы содержания текстового сообщения [7].

На наш взгляд, применительно к институциональному дискурсу хорошо применимо понятие «семантически

значимой информации». Это «то количество информации, которое дано не на входе, а на выходе системы, т.е. которое только и «срабатывает» [1]. В рамках институционального дискурса семантически значимая информация — это как раз та информация, которая способна формировать общественное мнение и работает на поддержание имиджа института. Естественно, что несмотря на многоканальные системы прямой и обратной связи, то, что отправляется «на входе» адресантом, не может полностью совпадать с тем, что получит адресат. Ведь, с одной стороны, текст — это авторская интерпретация событий окружающей действительности, с другой — это сложная когнитивная деятельность воспринимающего текст адресата, вовлекающего в процесс понимания текста и авторской интерпретации свои собственные представления, знания, опыт, установки.

Адресат извлекает дополнительную смысловую информацию, релевантную той коммуникативной ситуации, в рамках которой функционирует текст и соответствующую коллективным и индивидуальным представлениям, личным ценностным ориентирам. Следовательно, при выработке институциональных коммуникативных стратегий развития необходимо учитывать ситуативную обусловленность текстов, когда речевое значение языковых единиц помимо конвенционального содержания включает еще и некую смысловую часть, интерпретационный компонент, которую адресат «вычисляет», додумывает при интерпретации. Частично подобные возможные скрытые смыслы учитываются адресантом при составлении текстов, так как информация для текстов серьезного институционального дискурса отбирается, фильтруется, лингвистически обрабатывается, систематизируется и т.п. Конечно, предусмотреть все возможные варианты интерпретации текста адресантом невозможно, что приводит к незапланированному и зачастую отрицательному восприятию информации. Подобные неудачи обычно связаны либо с погрешностями использования языковых единиц, либо с коммуникативными барьерами, которые чаще всего носят социальный или психологический характер.

Коммуникативные барьеры могут возникать из-за различного понимания ситуации, а также быть вызваны различиями более глубокого плана. Это прежде всего, различия социальные, политические, религиозные, профессиональные, которые порождают не только разную

интерпретацию тех или иных понятий, но и демонстрируют различное мироощущение, мировосприятие, миропонимание. «Такого рода барьеры порождены объективными социальными причинами, принадлежностью партнеров по коммуникации к различным социальным группам, и при их проявлении особенно отчетливо выступает включенность коммуникации в более широкую систему общественных отношений. Коммуникация в этом случае демонстрирует ту свою характеристику, что она есть лишь сторона общения» [1].

Особенностью текстов практически любого институционального дискурса является то, что неконвенциональная (вычисляемая адресатом) часть речевого значения более значима и разнообразна, чем конвенциональная, а порой и более обширна, так как встраивается в семантику текста. Адресант в большинстве случаев больше интуитивно чувствует, чем знает, что язык амбивалентен и полисемантичен, хотя часто противоречия очевидны, что хорошо демонстрирует использование, например, в политическом дискурсе слов *справедливость*, *ответственность*, *благополучие*, которые в зависимости от контекста, пристрастий автора и адресата могут иметь разнообразные семантические приращения. При интерпретации для адресата, возможно, наиболее важной станет не та информация, которую он прочитает или прослушает, а та, которую он «вычислит», хотя язык предоставляет адресанту разнообразные возможности для реализации прагматического потенциала.

Проведенные наблюдения позволяют сделать предварительные выводы о том, что в рамках разработки институциональных коммуникативных стратегий с использованием текстов следует учитывать следующее. «Смыслу и значению соответствуют в обыденном сознании два близких, но отнюдь не тождественных концепта, которым предлагается дать следующие дефиниции:

Значение X-а — это информация, связываемая с X-ом конвенционально, согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации.

Смысл X-а для У-а — это информация, связываемая с X-ом в сознании У-а в Т, когда У производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2001. 290 с.
2. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. 219 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1999. 352 с.
4. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: Значение и смысл // Язык о языке. М., 2000. С. 303–359.

5. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современно русской стилистики. М., 2005. 287 с.
6. Проничева О. Ю. Языковые средства воздействия на массовую аудиторию (на материале текстов агитационной листовки). Дисс. ... канд. филолог. наук. СПб., 2006. 220с.
7. Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Электронная библиотека. Центр гуманитарных технологий. 1994. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3961/3995974>.

© Проничева Ольга Юрьевна (pronol@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева